

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим),
напечатано здесь с разрешения автора

И было в те дни, вырос Моше, и вышел он к братьям, и увидел их тяжкий труд, и увидел, как египтянин ударял еврея, его собрата. Посмотрел он туда и сюда, и увидел, что нет никого, и убил египтянина, и спрятал его в песке. И вышел он на следующий день, и вот: ссорятся два еврея! И сказал он неправому: «Почему ударяешь ты собрата своего?» Но тот ответил: «Кто назначил тебя начальником и судьей над нами? И меня ты собираешься убить, как убил того египтянина?» И испугался Моше, и сказал: «Так об этом стало известно!» И когда услышал об этом фараон, хотел он казнить Моше, и бежал Моше от фараона...

[Шмот, 2 : 1 – 10]

Над Фивами стояло солнце. Восемнадцатилетний юноша шел под тенью сикоморов в царских садах фараона. По украшениям в его волосах и по мантии, сотканной из тончайшего виссона, было видно, что он принц, но его кожа была светлее, он был выше других египтян своего возраста, и его красивое лицо имело семитские черты. На деревьях щебетали птицы, а вдали на реке слышалось ритмичное пение гребцов и крики играющих детей. Но принц Моше думал о другом. На душе у него было беспокойно.

«Почему мне плохо? – думал он, - Я утопаю в роскоши, и нет на свете ничего, о чем я не мог бы попросить. Мама-принцесса любит меня, как любая настоящая мать. Даже называет она меня именем, которое дала мне, когда вытянула из воды, и даже слегка изменила его египетскую форму на еврейский лад, чтобы я был доволен. Меня любит весь королевский дворец, я даже любимец самого фараона. Ведь по моей просьбе дал он еврейским рабам еженедельный день отдыха! И удалил мидьянского колдуна, который интриговал против меня!

И все же мне одиноко, как на чужбине. Да, эти люди, которые меня воспитали, и которым я обязан всем, даже жизнью – в конечном счете, мне чужие. Их развлечения кажутся мне детскими – а от жестокости бросает в дрожь. Писцы читают им лекции о мудрости и справедливости – и в то же время они заставляют рабов трудиться до смерти на строительстве великолепнейших монументов. Они так умны и утонченны – но служат своим богам, как дикари. Да, мой телохранитель и тот счастливее меня, так как по крайней мере, он во всем этом не участвует. Он знает, что он раб, и может молиться Б-гу своих отцов об освобождении.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Постой!

Б-гу *его* отцов? Это Б-г и *моих* отцов, и я тоже, хотя и живу во дворце, на самом деле порабощен их дрянной жизнью!»

Несколько минут он продолжал ходить взад-вперед вдоль декоративного пруда, понутив голову, глубоко в раздумье. Наконец он выпрямился:

- Ури!

Мальчик, который незаметно следовал за ним несколько поодаль, сразу подбежал к господину.

- Ступай в конюшню за моей колесницей, - приказал Моше, - и когда я уеду, передай поклон матери и скажи, что я поехал на небольшую прогулку по округе.

Мальчик поклонился и быстро побежал выполнять приказ, но Моше еще раз окликнул его:

- Постой Ури, еще кое-что.

- Да, господин мой.

- Ты обо мне заботишься, правильно? Могу ли я доверить тебе секрет?

Мальчик посмотрел на принца с такой преданностью, что в ответе не было нужды. На глазах у него выступили слезы.

- Господин мой! Ты вызволил меня из глиняных карьеров... ты обращался со мной, как с братом ... для тебя я готов на все!

- А готов ли ты рисковать своей жизнью, чтобы не предать меня?

- Я не предаю тебя, господин мой даже под пытками, - торжественно произнес Ури. – Клянусь об этом Б-гом моих отцов!

- Тогда я скажу тебе, куда еду, но никому не говори. Я еду навестить *наших братьев* и посмотреть на их тяжкий труд.

Когда до Ури дошел смысл этих слов, он чуть не прослезился от счастья и волнения. Принц назвал евреев *своими братьями!*

- Постой! – сказал Моше. – Тебе не следует ходить с таким блеском в глазах. Если кто-нибудь что-то заподозрит, нас обоих убьют. Думай об этом и держи себя в руках. Ничего такого не случилось, я просто поехал на увеселительную прогулку. Понятно? Все, беги!

Вскоре была подана колесница. Стражники у ворот отдали Моше честь. И он поехал к ближайшим строительным объектам.

Позолоченная колесница с ее хорошо смазанными колесами, обтянутыми кожаными ремнями, быстро катилась по гладкой дороге. Он дал породистым лошадям волю лететь,

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

как того желали. В его ушах свистел ветер, и его захватывало от скорости, но он не забывал о серьезности своего дела.

Он уже не раз посещал строительные объекты в составе свиты фараона, но тогда они ездили наблюдать, как продвигается строительство, или осматривать новые, уже законченные скульптуры. И в таких случаях организаторы заботились о том, чтобы не было видно ничего, что может расстроить какую-нибудь чувствительную даму. Глядя на грандиозные строения, можно было представить, какого колоссального человеческого труда стоило все это построить, и только догадываться о том, как обращались с рабами на этих стройках. Теперь Моше хотел увидеть, что было за парадными фасадами, которые возводили для царских визитов. Он хотел дать себе почувствовать – это слово все еще звучало странно, когда он вслух повторял его самому себе – он хотел посочувствовать *своим братьям*.

Мощеная дорога сменилась на разбитую широкую колею, вперед по которой понеслись лошади. Он знал, что вскоре впереди покажется один из новых городов, которые строили по всей стране. И, как он и ожидал, через некоторое время ему повстречалась колонна рабов. Сто человек, а то и больше, в одну шеренгу, каждый тащил два лотка с кирпичами, подвешенные на шесте. С них рекой лился пот. У каждой группы из десяти человек был еврейский прораб, который бегал от одного человека к другому и призывал сохранять темп. В одной группе нарушились ряды, и Моше увидел, что за это отведал плеть египетского надсмотрщика ее еврейский прораб.

Поравнявшись с ними, Моше остановился, и, по приказу египтянина, колонна тоже остановилась. Моше приказал надсмотрщику дать им передышку, пока он будет инспектировать их работу, и они положили свой груз и сели на обочине.

Моше задал надсмотрщику вопросы, откуда и куда они переносят кирпичи, сколько это километров, сколько времени это занимает, сколько таких походов они делают каждый день. А затем сказал, что хочет сам осмотреть людей.

Он прошелся вдоль шеренги. Люди тихо полулежали на земле с апатичным выражением на лицах. Вот что сделало рабство с людьми, которые могли бы быть живыми и остроумными, как Ури – или как он сам!

Он остановился перед одним молодым человеком, который казался более оживленным, чем другие. Тот встал и поклонился.

- Как с тобой обращаются? – спросил Моше.

Отведя взор, человек ответил:

- Воля фараона выполняется исправно, как видно моему господину.

Моше попытался еще раз:

- Твой народ всегда был в рабстве?

В ответ на это мужчина выпрямился и сжал кулаки:

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

- Наши отцы были свободными, и когда-нибудь мы тоже будем свободными, в собственной земле.

Затем, опомнившись, что говорит с египтянином и вельможей, он добавил:

- Простите меня, господин мой, я забылся! Я в ваших руках!

И он бросился в ноги Моше в страхе и покорности.

Моше с трудом сдерживал свое чувство жалости. Ведь был когда-то народ, свободный и гордый, а теперь как низко пал! «Какой-то» народ? *Его* народ!

- Встань! – приказал Моше. – Я не стану тебя наказывать, и можешь никому не докладывать о своем выпаде. Но только если честно и искренне расскажешь то, что я хочу узнать. Как началось ваше рабство и когда?

Раб посмотрел на него с удивлением. Сидевшие вблизи рабы тоже слегка подняли головы и бросили любопытствующие взоры на этого странного человеческого вельможу. Раб встал и начал, сначала неуверенно, потом все более твердо:

- Да припомнит тебе Б-г эту милость, господин мой! Фараон объявил нас рабами еще до того, как я родился, но отец мой был тогда уже взрослым, и он не родился рабом. До этого наш народ занимался скотоводством в земле Гошен, которую нам дал фараон за большие заслуги перед страной. Потом была война, и члены моего народа храбро сражались за фараона. После того, как отразили нападение врага, фараон призвал всех на строительство укреплений на случай нового нападения. Наш народ откликнулся на призыв, все, кроме колена Леви, и мы работали с египтянами как вольнонаемные рабочие, за хорошую плату. Но со временем египтяне стали возвращаться домой, к своим делам, а мы не могли. Оказалось вдруг, что мы под стражей, и солдаты нас не отпускали. Нас держали в бараках и не позволяли возвращаться домой. Потом нам перестали платить, а интенсивность работы была увеличена. Фараон объявил нас рабами! Но мы знаем, что придет время, и Б-г вызволит нас отсюда, и мы снова будем свободны!

Так вот как это случилось, думал Моше. Его отцы не были рабским народом, а свободным, и пленили его грязной уловкой! Но он продолжил:

- Почему вы продолжаете доверять Б-гу, когда Он вам не помогает?

- Наш Б-г могуч. – ответил человек с достоинством. – Он содеял великие чудеса для наших отцов, и Он обещал им, что даст землю Кнаан их потомкам. Но Он сказал, что сначала мы должны пожить в чужой земле и много лет быть там рабами. Так и случилось. Но мы верим в Б-га, что, как сбылось это предсказание, так сбудется и все остальное.

Тут Моше увидел, что египетский надсмотрщик, прогуливавшийся неподалеку, начинает проявлять нетерпение, и понял, почему раб так боится. Он отошел и дал знак продолжить работу. Раздался приказ, и рабы вновь построились и взяли на плечи свой груз.

Надсмотрщик помог Моше забраться на колесницу и отдал честь. Раб, который придерживал лошадей, отступил в сторону, и Моше поехал дальше – по направлению к месту производства кирпичей, о котором доложил ему надсмотрщик.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Он думал о том, что видел и слышал. Даже больше, чем страдания, которые он воображал, его потрясла апатия и покорность рабов. Но проснувшийся потом дух того человека, с которым он говорил, одновременно и усилил боль, и вселил надежду. Если все они такие, как он, думал Моше, если помнят, что значит свобода и не дают подавить свой дух, то надежда еще не потеряна. Он вдруг поймал себя на том, что просчитывал шансы на успешное восстание – если, конечно, можно было найти им лидера – и, к собственному шоку, осознал, что он, получается, уже предатель по отношению к фараону. Нет, не предатель, а противник!

* * * * *

Показалась стройплощадка: Моше увидел стопки готовых кирпичей. Приблизившись, он разглядел разные отделы производства, на которых трудились бригады рабов: тут одни рабы приносили глину, там другие ее месили, поодаль лепили из нее кирпичи, готовые к заправке в печь. Но его взгляд остановился на зрелище, которое заставило его прищипорить лошадей.

Надсмотрщик яростно избивал человека, который уже лежал на земле, ударяя его снова и снова изо всех сил.

Моше резко осадил лошадей, которые встали на дыбы.

- Прекратить немедленно! – закричал он еще с колесницы на удивленного египтянина. – Почему ты так жестоко избиваешь этого человека?!

Надсмотрщик, еще переводя дыхание от напряжения, ответил не сразу. А затем с важностью сказал:

- Господин мой, этот раб – бунтарь и отказываться подчиняться приказам. Лучше бы его убить, чтобы другим неповадно было.

- А ты что скажешь? – спросил Моше еврея. Тот с трудом встал. Его тело было покрыто страшными волдырями, а на лице была кровь.

- Господин мой, - медленно выдавил он, - я не сделал ничего дурного. Но я единственный свидетель злостного преступления, которое совершил утром этот надсмотрщик, и он хочет меня убить, чтобы об этом никто не узнал.

И он рассказал Моше о том, что видел.

- Этот раб врет...! – начал было египтянин. Но когда взглянул на Моше, то осекся и в страхе умолк. В глазах молодого человека запылал праведный огонь.

- Я знаю, кто врет! – отрезал Моше и направил на египтянина пронизывающий взгляд. – За свои деяния ты дважды заслужил смерти.

Высоко подняв руку и сжав кулак, он изрек с устрашающим пылом:

- Да покарает тебя Б-г евреев!

Египтянин согнулся, упал и уставился в небо невидящим взором.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Моше повернулся к охваченному дрожью еврею:

- Б-г за тебя отомстил. Не бойся, здесь никого нет, кроме твоих братьев, а они нас не выдадут. Я упрячу тело. Если спросят, скажи, что он ушел и не вернулся. А теперь помоги мне положить тело на колесницу.

И Моше поехал к начинавшейся неподалеку пустыне и зарыл тело в песке.

А затем поехал обратно к дворцу, одновременно в замешательстве и эйфории. События одного дня превратили его из фаворита фараона в защитника евреев, ибо теперь он боролся за их права.

Моше удалось скрыть перемену своих настроений благодаря царящему во дворце обычаю ходить с напускной важностью и чопорностью. Он даже не рассказал о случившемся своему Ури.

На следующее утро он снова выехал, на этот раз на строительный объект. Там кипела работа: каменщики и подающие кирпичи; скульпторы, выбивающие свои статуи; длинные вереницы рабов, которые волокли на санях огромные каменные глыбы; надсмотрщики, каменотесы, архитекторы...

Египетский чиновник, ответственный за стройку, был немного смущен необъявленной инспекцией, но Моше пояснил, что это неофициальный визит, он просто хотел посмотреть на работу и не нуждается в сопровождении. Наконец, ему удалось втолковать чиновнику, что его присутствие нежелательно.

Моше начал ходить по стройке, выискивая повод вступить в беседу с евреем. Завидев, как рабы в одной бригаде присели и начали спешно поедать круглые и плоские лепешки хлеба, обычную еду рабов, он пошел к ним. Ему было больно от бессмысленных выражений их лиц и потухших взглядов. Казалось, что из-за темпа работы, которую они должны выполнять, они не интересуются ничем из происходящего вокруг. Даже те, кто на практике не был вовлечен в тяжелый физический труд, казались отупленными и безжизненными, примирившимися со своей страдальческой долей.

Шагая в их сторону, Моше вдруг услышал за спиной сердитые возгласы. Он обернулся, и увидел, как спорили между собой два еврейских прораба. Уровень, на котором он перенял еврейский язык от Ури, был недостаточно высоким для того, чтобы полностью понимать все, что они быстро тараторили, но, кажется, они спорили о том, чья бригада лучше, или что-то в этом роде.

Спор разгорался, и, наконец, один из них замахнулся, чтобы ударить оппонента. Моше поспешил к ним и закричал:

- Стойте! Зачем станет еврей ударять собрата?

Оба обернулись в его сторону, и тот, кто начал драку, смерил его презрительным взглядом и, скрестив руки на груди, зловеще произнес:

- Вы только посмотрите на этого еврейского сына принцессы Батьи! Да кто тебя назначил нашим судьей? Может, и меня убить хочешь, как убил египтянина?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Моше был ошеломлен. Он не ожидал того, что евреи, может, и не будут заинтересованы в его сочувствии. И испугался: совсем рядом сидел надсмотрщик-египтянин, а вдруг он понял их речь. Он повернулся и пошел к своей колеснице, под гогот тех двоих.

На обратном пути он, наконец, осознал всю серьезность ситуации:

- Так значит, об этом стало известно! – воскликнул он. Если об этом уже известно на другом строительном объекте, то, должно быть, уже очень многие знают и о его деянии, и его приметы. И если тот человек посмел так говорить с принцем, это могло означать только, что фараону уже тоже известно – или очень скоро будет известно. Безопасно ли тогда возвращаться во дворец, подумал он, или там ему почти наверняка грозит смерть?

Моше не ошибся в своих опасениях. Уже у ворот дворца к нему подбежал Ури, весьма возбужденный:

- Господин мой, - капитан гвардейцев срочно хочет тебя видеть. Он с уважением просит тебя, мой господин, пойти к нему, так только вернешься.

А затем добавил:

- Ходят слухи, господин мой...

Перед тем, как Моше успел ответить, появился сам капитан, в сопровождении двух солдат. Он сухо сказал принцу, что тот немедленно должен пойти с ним. Его вызывает фараон.

Они прошли через лабиринт коридоров, ведущих к государственным палатам. Моше заметил, что дворцовая прислуга, которая обычно выказывала ему уважение, теперь отворачивает взоры. Он понял, что его ведут в Большой зал.

Когда они вошли, над собранием воцарилась гробовая тишина. Моше увидел, что почти все места были заняты. Был и фараон, и сходу было ясно, что уже состоялось большое обсуждение.

Моше указали на место посередине зала. На столе он увидел большой Царский Меч правосудия. «Так, - подумал Моше, - значит, речь действительно идет о смертной казни!»

Начал сам фараон.

- Итак, ты вернулся!

Это прозвучало холодно и угрожающе. Он продолжил:

- Нам сообщили о тяжком преступлении, которое ты совершил вчера. Против тебя имеются неопровержимые доказательства, и мои советники настаивают – как настаиваю и я сам – чтобы ты получил заслуженное наказание.

Он остановился, давая понять, что Моше может говорить, хотя было очевидно, что в его отсутствие уже вынесен приговор.

- Господин мой, царь! – бесстрашно начал Моше. – Я знаю, что всем, что у меня есть сегодня, я обязан тебе. Меня воспитала мать, дочь господина моего царя, принцесса

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Батя, с любовью и нежностью. Мне дали все, в чем я нуждался – и все оплачивалось из царской казны. За все это я искренне признателен. Но в то же время, господин мой царь знает, что я еврей. И можно понять, что я сочувствую своим еврейским братьям. Я за них и раньше заступался, и господин мой царь милостиво выполнял мои просьбы. Но несправедливость по отношению к любому человеку, даже рабу, - это тяжкое преступление. Б-г евреев, как я слышал, не допустит несправедливости и накажет тех, кто угнетает других, так же, как наградит тех, кто стремится помогать другим. Надсмотрщик не имел права избивать того человека с такой жестокостью. То не был случай непокорности или неподчинения. Надсмотрщик хотел его убить потому, что он был единственным свидетелем совершенного им преступления.

- Тем не менее, - сказал фараон, - твое убийство египтянина является преступлением, карающимся смертью. В конце концов, ты еврей, а любой еврей, раб он или принц, который поднимает руку на любого египтянина, уже не говоря об убийстве, подлежит смертной казни. Любое восстание или бунтарство со стороны рабов, самостоятельное или под чьим-то предводительством, карается смертью.

В его голосе не слышалось ни капли сожаления. Ни один из придворных и советников не вымолвил ни слова. Фараон кивнул палачу, стоящему у плахи. Тот подошел к столу и взял меч, а два конвоира указали Моше, где ему следовало встать на колени.

Палач занес царский меч высоко над головой и с силой опустил его. Но случилось невероятное. Меч просто отскочил от Моше, как будто его шея превратилась в кусок мрамора! Палач, не раздумывая, попробовал еще раз, и случилось то же самое.

Тогда все пришли в замешательство. Палач был в шоке, как будто только что увидел привидение. Он продолжал стоять на одном месте, словно прирос к земле, и два конвоира, и другие стражники тоже. Советники и придворные были тоже парализованы страхом от только что увиденного.

Сам Моше тоже был поражен и совершенно обескуражен случившимся, а затем понял, что был спасен явным чудом. Он увидел ужас и замешательство на лицах собравшихся придворных и, не растерявшись, не стал терять времени. Он поднялся с колен и бросился к дверям зала. Никто не был в силах пошевелинуться, чтобы его задержать. Один только фараон не утерял дар речи и истерично выкрикивал приказания:

- Остановите его! Держите его!

Но никто не слышал, а если и слышал, то ничего не мог поделать. И Моше исчез. Все это произошло в считанные мгновения.

Моше помчался по лабиринту коридоров, которые знал так хорошо только он, выросши во дворце. Добежав до конюшни, он вскочил на стоящую там колесницу с уже запряженными лошадьми и покатил к воротам. Стражники на посту его сразу узнали и застыли. Он проехал в ворота без заминки и поехал дальше.

Но куда?

Если он как-то связан с евреями, подумал он, то он должен идти к ним. Прежде всего, ему надо замаскироваться. Он был уверен, что теперь фараон тем более желает его казнить. А

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

во-вторых, он хотел встретиться с еврейскими старейшинами. Может быть, даже сейчас уже созрело время для восстания!

Но тогда, наконец, он полностью осознал жестокую реальность и бедственность своего положения: ведь если были евреи, которые могли предать того, кто им помог, значит и у них он не будет в безопасности. Хуже того: пока они оставались такими, за них было совершенно бесполезно бороться. Теперь у Моше было чувство, что Б-г наверняка не пожелает их освободить, коль они были так недостойны помощи. Вчера он нашел свой народ. А сегодня – потерял?

Он должен бежать. Он уйдет в пустыню, станет беглецом. Быть может, потом ему удастся перебраться в другую страну или поступить на службу в какой-нибудь иностранной армии.

Он перебирал в памяти возможные места, где можно было спрятаться. Были, кажется, какие-то старые города для погребений, давно заброшенные и окруженные пустыней, где скрываются беглецы и уголовники. Какой из них ближайший?

Интересно также, что сейчас происходит во дворце. Теперь они, должно быть, поняли, что он бежал. Скоро ли начнут его искать? Надо торопиться.

И вдруг он понял, что заблудился. Пока он обо всем раздумывал, лошади свернули с пути...

* * * * *

На горизонте показалась деревня. В этой глубинке еще, может быть, неизвестно о том, что его ищут – если вообще начали искать. Он спросит дорогу на Фивы, а из ответа поймет, где он.

В деревне ему повстречалась пожилая женщина. Она была еврейка, но по ее элегантной и неспешной походке было очевидно, что она не рабыня.

Поравнявшись с ней, он замедлил ход колесницы. А затем он увидел ее лицо. Это лицо... таким он всегда представлял лицо матери.

Он остановил лошадей и выпрыгнул из колесницы. На ломаном еврейском он обратился к ней так, как обычно говорят евреи с пожилыми женщинами:

- Кто ты, мать?

Она уставилась на него, как на призрак, но затем, приложив усилие, оправилась от замешательства и вежливо ответила:

- Меня зовут Йохевед, господин мой, дочь колена Леви.

- Йохевед?!

Ему было известно это имя!

- Вы когда-нибудь служили при дворе фараона?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Нет, не может быть!

- Вы когда-либо выкормили мальчика для принцессы Батьи?

Она была не в силах ответить, слезы хлынули у нее из глаз. Но этого ответа было достаточно. Он обнял ее:

- Вы моя старая няня!

Она пыталась его удержать:

- Господин мой, - сказала она сквозь слезы, - когда я вернула тебя принцессе, меня заставили пообещать никогда не пытаться с тобой увидеться! Нам не следует гневить фараона!

- Фараона? – с горечью ответил Моше. – Я теперь бегу от фараона, спасаю свою жизнь!

- Почему?! – в страхе вскрикнула Йохевед. И положила руку ему на плечо:

- Что случилось, мой бедный сын? Неужели я еще не достаточно настрадалась, отдав своего ребенка?

Моше был как громом поражен.

- Твой сын?! Значит, ты не только моя няня, но и...?

Йохевед молчала, нежно глядя на него.

- Ты... моя мама? – спросил Моше, - скажи мне!

Она только кивнула. Он продолжил:

- Спасибо Б-гу, что показал мне мать, пока еще не поздно. Но жив ли мой отец? Есть у меня братья, сестры?..

Теперь он заметил, что вокруг них начинала собираться толпа.

Нельзя допускать, чтобы о его присутствии здесь становилось известно. Это может плохо закончиться для всех. Хорошо еще, что среди этих людей не было египтян. Он объяснил на еврейском, что его прибытие должно сохраняться в секрете, иначе накажут всю деревню.

- Не смотрите на мою одежду, - сказал он в заключение, - я истинный сын Израиля!

- И *мой* сын, братья! – добавила Йохевед. – Пожалуйста, братья мои, дайте ему приют в нашей деревне.

Из толпы вышел человек и взял у него из рук поводья, и Моше попросил его спрятать колесницу и позаботиться о лошадях, ибо скоро ему вновь надо отправиться в путь.

Мать взяла его в свой маленький домик. Он обнял своего отца Амрама, старца, излучающего святость, и брата Аарона, ученого молодого человека, полного любви к Б-гу

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

и к людям. Затем вошла Мирьям, и его представили сестре, которая приняла столь активное участие в спасении его жизни.

Потом, за ужином он рассказал им о своей жизни при дворе и о приключениях, а также поведал им о теперешней опасности. Они слушали и расспрашивали с любовью и пониманием. Впервые в жизни он почувствовал себя, как дома.

- Ах, как хотел бы я с вами остаться! – воскликнул он наконец.

Йохевед проглотила слезы и ответила:

- Ты всегда будешь с нами, сынок, ибо теперь ты страдаешь вместе с нами и ради нас.

А отец добавил:

- Тебе удастся избавиться от этой опасности, мой сын, ибо ты боролся за народ Б-га. Он поможет тебе, как помог во дворце и как спас от меча фараона. Но в изгнании, на чужбине у тебя будет трудная задача не забывать своего Б-га и свой народ.

И он продолжил рассказывать Моше о праотцах и об обещаниях Б-га им и их потомкам. Он также поведал Моше о заповедях Б-га и продолжал говорить с ним, сколько мог. Моше слушал все это и жадно впитывал каждое слово и каждую идею. Наконец, Амрам сказал:

- Быть может, в один прекрасный день тебе удастся вернуться и помочь братьям. Но сначала тебе надо многому научиться. Не хотеть ничего для себя, а все для Б-га; желать улучшения своих братьев, и в то же время любить их, со всеми недостатками. Превыше всего – скромность и терпение, ибо людей невозможно изменить одной лекцией. А если пытаешься заполучить себе власть или почет, то и вовсе ничему не сможешь их научить. Следи за этим и извлекай уроки из всех испытаний, что пошлет тебе Б-г. А когда достаточно выучишься, Б-г тебе покажет, что делать.

И эти слова остались с Моше во всех его странствиях и водоворотях судьбы...

Adapted by O. Y. Baddiel

О. И. Баддиль

London, England

Лондон, Англия

***Translated from the English by Mr Alexander Sandler and Rabbi Meir Moutchnik,
to whom many thanks.***

***Перевод с английского Александра Сандлера и Меира Мучника,
которым выражается благодарность.***